

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

После полудня зарядил пестрый дождь. Струи у него вовсе не разноцветные, как можно подумать из-за названия, а просто разной температуры, ледяные, теплые и горячие — не кипятки, конечно, не ошпарят, а все-таки без зонтика в такую погоду лучше не выходить.

Зонтик в доме всего один, зато зеркальный. Франк когда-то побывал в городе, где в моде зеркальные зонтики, захотел такой же, купил самый большой и сам оклеил его осколками маленьких зеркал, которые Триша по его просьбе сперва дюжинами скупала в галантерейных лавках, а потом аккуратно разбивала на кусочки, сложив в полотняный мешок и ласково постукивая молотком, почти плача от сочувствия, приговаривала: «Ничего, мои хорошие, потерпите, зато какая потом интересная будет у вас жизнь! Много-много разных отражений, это гораздо лучше, чем одно и то же лицо изо дня в день».

Франк за все время воспользовался зонтиком раз пять, причем ходил с ним не в город, а по каким-то своим таинственным делам, о которых никогда ничего толком не рассказывает. А Триша чувствует

ответственность перед зонтом, вернее, перед разбитыми зеркалами, которыми когда-то пообещала интересную жизнь. И поэтому регулярно их выгуливает, иногда даже в хорошую погоду берет зонт с собой и раскрывает его на рыночной площади, на вершине горы, где живет Алиса, на заросшем розами и ежевикой острове у Короткого моста или в Поднебесном кафе, устроенном на крыше самого высокого дома, — отражайте на здоровье.

А уж в дождливую погоду Триша просто обязана выйти из дома с зонтом. Отлынивать от прогулки нельзя. То есть можно, конечно, но совестно. Поэтому приходится надевать высокие непромокаемые сапоги, босиком-то под пестрым дождем только плясать сподручно, потому что пяткам то нестерпимо холодно, то, напротив, горячо — поневоле станешь подпрыгивать столь резво, что марионетки из соседней лавки уставятся на тебя с завистью, а их хозяйка, тетушка Уши Йоши, с жалостью, уж ей-то известно, что по доброй воле так никто не скачет.

Сапоги Триша не любит и поэтому никогда не помнит, куда их задевала. И не понимает, какой логикой руководствовалась, когда спрятала левый сапог в шкаф, а правый... Куда она сунула правый — ответ на этот вопрос неведом даже Франку, который знает все на свете (и кое-что во тьме, добавил бы он сам). Поэтому сейчас Франк сидит за столом и с неподдельным интересом наблюдает, как Триша носится по дому в одном сапоге, со сложенным зеркальным зонтом под мышкой. Она и сама не отказалась бы поглядеть, как это выглядит со стороны. Судя по выражению лица Франка, захватывающее зрелище.

— Вспомнила! — сама себе не веря, восклицает Триша. — Вспомнила! Сейчас!

Она выскакивает в коридор так стремительно, что тень ее испуганно шафахается от дверного косяка — нет уж, лучше я тут подожду, — и возвращается с победой, все еще в одном левом сапоге, но торжествующе размахивая его беглым близнецом.

— Ну конечно! Я же вазу из него сделала.

Опьяненная успехом, Триша говорит гораздо громче, чем обычно. Франк приподнимает бровь, всем своим видом изображая заинтересованность.

— Цветы, — объясняет Триша. — Не знаю, как называются. Белые и лиловые, на высоких стеблях. Помнишь? Красивые! Принесла их с рынка, и оказалось, все наши вазы для них слишком короткие. А кухонную посуду ты для букетов брать не велел. И я решила — поставлю в сапог. Они у меня как раз высокие. И непромокаемые. Значит, воду набрать можно. И набрала, и прекрасно стоял букет!

— Не сомневаюсь, — мягко говорит Франк. — На его месте кто угодно прекрасно стоял бы. В такой замечательной вазе что ж не постоять.

Трише ясно, что Франк над ней смеется. Но это совсем не обидно. Даже наоборот. Сразу чувствуешь себя полезной, вон какое хорошее дело сделала — целого Франка насмешила. Молодец, хорошая кошка, теперь можно и погулять.

— Я скоро вернусь, — говорит она. — По крайней мере, до ужина точно вернусь.

— Конечно, ты вернешься до ужина, — соглашается Франк. — Довольно затруднительно приготовить ужин, вернувшись после него. Даже у меня так не получается.

— Ой, а надо будет приготовить? Я думала, ты сам.

— Помощь мне сегодня не помешает. Клиентов я, если что, и без тебя покормлю, но, если вечером сюда заявится гость, хотелось бы иметь под рукой что-нибудь этакое.

— Гость? Хорошо бы! Давно уже у нас никого не было. Я имею в виду, никого **такого**.

— Никого, кто рассказывает истории, — кивает Франк. — Это непорядок.

— Я думала, Макс человек сто в гости позовет, — вздыхает Триша. — Или даже больше. Будут ходить и ходить, один за другим, пока твои приглашительные открытки не закончатся. А потом Макс попросит еще стопку, и ты, конечно, дашь. А ему, получается, никто не нужен?

— Нужен, не нужен — это он пусть сам разбирается. Я знаю одно: чтобы звать гостей, надо самому сидеть дома. А этот трюк удаётся Максиму гораздо хуже прочих.

— Какой трюк?

— Я имел в виду, что наш друг не слишком преуспел в искусстве соседства, — высокопарно говорит Франк. — Чего смеешься? Для него подолгу оставаться на одном месте — нелегкая задача. Впрочем, Макс делает некоторые успехи. По крайней мере, раз в несколько дней более-менее вовремя является к ужину. В его случае это примерно так же непросто, как для тебя — спать на потолочной балке.

— Ну, я вообще-то могу там спать, — напоминает Триша.

— Конечно, можешь. Но не делаешь. Потому что в кровати гораздо удобнее. Вот и ему...

— Гораздо удобнее не возвращаться домой к ужину? Надо же, — вздыхает Триша.

— И подружка у него такая же непоседа, — поразмыслив, добавляет Франк. — Очень удачно получилось.

— Меламори как раз не настоящая непоседа. Говорит, будь ее воля, первую дюжину лет путешествовала бы исключительно из нашего сада за мороженым и обратно. Но ты же сам видел, какой у нее начальник. Сказал — погуляла, и хватит. Ночуй где хочешь, да хоть на границе между светом и тенью, а на службу являться изволь.

— Да, с таким, пожалуй, не забалуешь, — соглашается Франк. — Ни в чужом пространстве, ни в ином времени не спрячешься, а уж за чертой, отделяющей случившееся от несбывшегося, и давным-давно не отсидишься. Да и где она теперь, эта черта. Если дальше так пойдет, сбудемся окончательно и бесповоротно. Ты как на это смотришь?

Триша не очень любит такие разговоры. Но на прямой вопрос надо отвечать.

— Я и так уже сбывлась, давным-давно. Вот она я — теплая, твердая, с утра пироги ела и чай пила, а потом посуду помыла — тебе мало? И теперь стою тут в сбывшихся сапогах, со сбывшимся зонтиком, сама сбывшаяся от пяток до макушки, с тобой разговариваю вместо того, чтобы идти гулять, как собиралась... Интересно, а дождь не закончился, пока я обувалась?

— Какое там, — улыбается Франк.

Он прав. Пестрый дождь — это обычно надолго. Скорее всего, до ночи, а может быть, и до завтрашнего утра. Зато зонт, похоже, доволен.

— Смотри, — говорит ему Триша, — ты только смотри!

И прибавляет шагу, благо улица идет под уклон. Мимо лавки тетушки Уши Йоши, мимо дома неизвестного

трубача — никто из соседей никогда его не видел, зато часто слышно, как он играет, — мимо витрины портного Леонида, где стеклянные манекены приветливо машут прозрачными руками всякому прохожему, мимо Птичьей кондитерской — сорок сортов прекрасных крошек от пирожных и кексов! — мимо фонарной мастерской и художественной галереи, где сейчас красуются расписные мячи из холста, их создатель, лысый мужчина с мальчишеским лицом и большими сильными руками, перед открытием выставки каждый день завтракал в «Кофейной гуще», а теперь куда-то пропал. А вот здесь можно свернуть направо, в переулок, где только сады за невысокими оградами, и перейти на бег, тогда в осколках зеркал отразятся не цветы и не листья, а густой зеленый ветер, им должно понравиться, думает Триша, мне бы точно понравилось, если бы я была зеркалом, или зеркальным зонтом, или просто человеком, бегущим с раскрытым зеркальным зонтом в руках... эй, но я сейчас и есть такой человек! Окончательно и бесповоротно сбывшийся человек, что бы там ни говорил Франк. Везет же мне!

Триша смеется от полноты чувств и, добежав до конца переулочка, замедляет шаг. По этой людной улице надо идти не спеша и смотреть по сторонам, чтобы все увидеть, ничего не упустить. Женщина с лицом, сшитым из зеленой парчи, развешивает на бельевой веревке чьи-то старые, явно доставшиеся ей по случаю воспоминания и правильно делает, всякая хорошая хозяйка знает, что под дождем они истончаются до прозрачности и становятся впору новому владельцу. Веселый старик в пижаме, расшитой звездами и полумесяцами, грызет кукурузный початок, укрывшись под навесом на веранде несуразного пестрого, словно бы

из детских кубиков построенного дома. Уличный музыкант в прозрачной непромокаемой накидке до пят самоабвенно пляшет в самом центре глубокой лужи, ловко подставляет брызгам свой барабан, чтобы они отбивали ритм. Высокий небритый толстяк стоит посреди улицы, в левой руке у него большой черный зонт, в правой — маленький красный, под которым благодарно трепещет целое облако бабочек. Владельцы кафе спешно выносят на улицу бидоны и банки, запасают впрок сладкую дождевую воду — Трише-то хлопотать не приходится, у них с Франком в саду стоит бочка, такая огромная, что еще ни одному ливню не удалось наполнить ее до самых краев.

И дальше, дальше, к реке. По какому из мостов переходить на другой берег — вот вопрос, ответ на который никогда не известен заранее. На Садовом мосту сейчас все цветет, там витает аромат мокрой зелени и горького речного меда, на Птичьем щебечут говорливые стеклянные снегири, Веселый сплетен из толстых канатов и качается так, что поневоле ухватишься за перила, а на Рыночном сейчас наверняка натянули непромокаемые пестрые тенты и всюю торгуют печеными орехами, мокрыми букетами, жареными колбасками и имбирным чаем. Поди тут выбери! И как же хорошо, что есть еще Безымянный мост, каменный, высокий, изогнутый, как подкова, ничем не украшенный, почти всегда пустой. С него открывается самый лучший вид на оба берега и на все остальные мосты сразу. Если бы Триша гуляла одна, она бы еще долго выбирала, но поскольку с нею охочий до зрелищ зонт, принять решение очень просто.

— Смотри, какое все, — говорит Триша, ступая на скользкие камни Безымянного моста. — Ты только

посмотри! Это наш берег, там больше садов, и дома построены из чего попало, добрая половина, похоже, просто приснилась своим владельцам, потому что я совершенно не представляю, как такое можно сделать руками. А на другом берегу дома высокие и красивые, они немного похожи один на другой, зато на крышах цветная черепица, мне больше всего нравится синяя, а тебе?

Зонт молчит, но, похоже, ему тоже нравится синяя черепица и вообще все.

— Соседний мост, где много народу, — это Рыночный, мы с тобой по нему уже однажды ходили, — продолжает объяснять Триша. — А с другой стороны — Совиный, он узкий и очень красивый, но совы там не живые, а каменные, на своих головах они держат перила. А это лодка Ари, я его немножко знаю, у него коса до земли и огромный белый кот с желтыми глазами, ходит за хозяином как привязанный, они, похоже, никогда не расстаются. Надо же, не думала, что Ари в такой дождь станет кататься... А другая лодка я не знаю чья, но какая же красивая! Красная, и ящик с цветущими розами на корме, видишь? А это — видишь, там, далеко-далеко на вершине горы? — дом Алисы. Мы с тобой у нее уже были и еще пойдем обязательно. А это... Ой.

Так увлеклась собственной болтовней, что врезалась в человека, стоящего у парапета. Смутилась ужасно, надо же, какая неуклюжая и рассеянная. Открыла было рот, чтобы извиниться, и только тогда узнала свою жертву. Обрадовалась, конечно, но и удивилась изрядно и от растерянности затафаторила, обращаясь к зонту.

— А это у нас Макс, который уже три дня подряд дома не показывался, даже к ужину не приходил. Вы

с ним, как я понимаю, знакомы. По крайней мере, живете по соседству, а значит...

Она осеклась, сообразив, что говорить в такой ситуации следует все-таки не с зонтом, а с человеком.

— Как же ты в такой дождь без зонта гуляешь?

— А здесь нет дождя, — Макс говорит так тихо, что проще прочесть по губам, чем услышать. Растерянно моргает, как будто только что проснулся, смотрит на Тришу как на чужую, с доброжелательным, но отстраненным интересом. Дескать, кто это такой хороший к нам пришел?

— Ну как же нет, когда... — она вытягивает руку, чтобы подставить ладонь под горячие и ледяные капли, и растерянно умолкает на полуслове. Похоже, тут действительно нет дождя. Везде есть, вон как кипит под тугими струями река, сияют и трепещут мокрые камни моста, бегут пенные ручьи по тротуарам, но здесь, рядом с Максом, сухо, словно над ним тоже раскрыт зонт — невидимый и очень большой, метра три в диаметре.

— А можно рядом с тобой постоять? — спрашивает Триша. — Или ты?.. Или я не?..

— Я не «или», и ты не «или», — улыбается Макс. — Можно. Все можно — здесь и сейчас, тебе.

— Все? Получается, спросить тоже можно? — уточняет Триша.

— Конечно. Только учти, ответов у меня немного. Хорошо если дюжина наберется — на все возможные вопросы. Хотя сейчас вполне можно было бы обойтись и одним — «не знаю».

Хитрый какой. Заранее выкрутился. Но упускать случай все равно глупо. Вдруг в последний момент передумает говорить «не знаю» и что-нибудь расскажет.